

ОТ СОЛОВКОВ ДО БУТОВО: РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И ПАМЯТЬ О СОВЕТСКИХ РЕПРЕССИЯХ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Вероника Дорман

Вероника Дорман — свободная исследовательница и журналист, магистр парижской Школы политических исследований. Адрес для переписки: 115184, Москва, Ул. Большая Татарская 26-28, кв. 29. Veronika.dorman@gmail.com.

30 октября 2007 года, в День памяти жертв политических репрессий¹, президент Российской Федерации Владимир Путин впервые принял участие в официальной церемонии, организованной в честь памяти жертв советского режима на Бутовском полигоне². А за три месяца до этого на полигон с Соловецких островов³ по каналам, вырытым руками миллионов зеков, был доставлен монументальный крест.

Можно ли считать эту акцию знаком того, что в России наконец произошло созревание, признание и принятие памяти коммунизма? Свидетельствовало ли это о долгожданной встрече «официальной» памяти с памятью «народной»? Шла

-
- 1 30 октября 1974 года заключенные мордовских и пермских лагерей впервые отметили День политзаключенного, организовав по этому случаю голодовку. В тот же день в Москве диссидентами были организованы митинг и пресс-конференция. После этого каждый год 30 октября узники советских лагерей отмечали этот день совместной голодовкой, а в крупных советских городах проводились подпольные митинги. В 1991 году День памяти жертв политических репрессий был официально узаконен постановлением Верховного совета РСФСР.
 - 2 К югу от Москвы, неподалеку от деревни Бутово, в 1917 году сразу после революции на месте бывшего конного завода был устроен стрелковый полигон для тренировки работников НКВД. В 1937–1938 годах, во время Великого террора, более 20 000 человек было расстреляно и захоронено там в специально вырытых для этого рвах, обнаруженных только в 1993 году. Согласно спискам, найденным в архивах КГБ, среди жертв оказались представители 60 национальностей, происходившие из самых разных социальных слоев. Около тысячи заключенных «погибли за веру», среди них было немало представителей духовенства. В настоящее время на месте полигона разбит «мемориальный парк», на окраине которого воздвигнут храм Святых новомучеников и исповедников российских.
 - 3 В 1921 году на Соловецких островах в Белом море, являвшихся духовным центром русского православия во времена царской России, был создан первый лагерь принудительных работ — Соловецкий лагерь особого назначения (СЛОИ).

ли речь о признании постсоветским государством ответственности советского режима перед историей, обществом или хотя бы перед потомками жертв этого режима? И, наконец, имел ли крестный ход, организованный прихожанами Бутово, символическое значение и свидетельствовал ли он о возникновении того, что французский историк Пьер Нора назвал «местом памяти» (Nora 1997)?

На 2007 год пришлось сразу несколько «перекрестных» юбилеев⁴. Девяносто лет прошло с момента Октябрьской революции, семьдесят — с года Великого сталинского террора. Казалось бы, что это должно послужить поводом для массовой волны церемоний, выставок, мероприятий. Однако, несмотря на многочисленные конференции, проведенные как в России, так и в других странах с участием историков, советологов, славистов и прочих специалистов, масштабных событий, посвященных поминованию страшного 37-го года, в России почти не наблюдалось. Конечно, 30 октября по традиции активисты организаций, объединяющих вчерашних реабилитированных и сегодняшних правозащитников, собрались у обветшалых памятников, возложили скромные букеты и произнесли краткие привычные речи. Уникальность годовщины не вызвала большого энтузиазма у сочувствующих, ряды которых и так из года в год редуют. Все это наводит на мысль о том, что память о темных годах советской России все более угасает или, во всяком случае, волнует лишь непосредственно заинтересованных лиц: жертв политических репрессий и их близких, да еще разве что «специалистов по памяти».

4 В ходе проведенного в Париже в декабре 2007 года семинара, посвященного теме сталинского террора, «1937–1938 годы: пароксизм великого сталинского террора», историк Александр Даниэль, сын диссидента Юлия Даниэля и один из основателей московского общества «Мемориал», подчеркнул необоснованность выделения в особую категорию 1937 года и сталинского террора, которые являются для него лишь продолжением революционного террора и военного коммунизма первых лет советской власти. По его словам, массовый террор, главным теоретиком и практиком которого был Ленин, произвел настоящий надлом в коллективном сознании, поскольку позволил насилию вторгнуться в социальные отношения, открыв тем самым путь любым бесчинствам, а также, что не менее важно, снизив до минимума ценность человеческой жизни.

«Лагерные» страницы прошлого России до сих пор малозаметны как в политическом дискурсе, так и в школьных программах⁵, несмотря на то что попытки собрать сведения и воссоздать историческую картину прошлого начались еще до падения СССР. Кульминация таких попыток пришлась на период перестройки и гласности, на самое начало 1990-х годов, когда общественность увлеклась лагерной литературой, ставшей наконец доступной, когда открытие государственных архивов — пусть временное и неполное — позволило тысячам бывших советских граждан найти своих близких, бесследно пропавших во время чисток, и узнать правду об их судьбе. В это же время общество «Мемориал», которое в тот момент находилось на подъеме, начало собирать свидетельства и документы, составлять списки жертв, выпускать учебные пособия. Во многих городах по инициативе местных организаций, а иногда и с помощью местных властей открывались выставки и воздвигались памятники, составлялись «книги памяти»⁶. Но уже с середины 1990-х годов мемориальный энтузиазм начал постепенно сходить на нет.

Сегодня восстановление памяти о репрессиях вновь стало уделом небольшого числа людей при общем равнодушии со стороны как государства, так и общества в целом⁷. Помимо правозащитников и бывших репрессированных (общество «Мемориал», региональные правозащитные организации⁸), к числу активистов в этой области относятся православные верующие в контексте возрастающей мемориальной деятельности Русской Православной Церкви (РПЦ)⁹.

Подобная тенденция не удивительна, учитывая растущую роль православной церкви в российском обществе (Митрохин 2009; Rousselet 2000). РПЦ соединяет

-
- 5 На страницах нового учебника истории (Филиппов 2007) по старой советской привычке проблеме лагерей посвящена только одна глава, а Сталин назван крупной политической фигурой советской истории, в то время как репрессии 1937 года преподнесены как необходимые меры для ликвидации последствий кризиса.
 - 6 Некрологи, основанные на архивных документах и состоящие из списков жертв, классифицированных по месту рождения, с указанием дат и причин ареста, казни, освобождения или реабилитации. Работа над этими книгами продолжается по сей день, хотя и идет медленнее. С электронной версией списков, постоянно пополняющихся и уточняющихся, можно ознакомиться на сайте общества «Мемориал»: <http://lists.memo.ru>. Просмотрено 11.10.2009.
 - 7 Российское общество переживает процесс некоторого «вытеснения из сознания» (Cohen 2005), которое отличается как от амнезии, так и от отрицания и которое проявляется в сегодняшнем невнимательном отношении общества к преступлениям прошлого.
 - 8 Ассоциации защиты прав репрессированных существующие во всех регионах России, являются местными отделениями «Мемориала».
 - 9 В своем выступлении на вышеупомянутом семинаре, посвященном теме Великого сталинского террора, Елена Жемкова («Мемориал») предположила, что государство намерено все более полно передать свои полномочия, относящиеся к мемориальной деятельности, Православной Церкви, которая на данный момент является единственной организацией, способной вести работу по сохранению исторической памяти на общенациональном уровне. Жемкова также выразила свои опасения по поводу избирательного характера этой памяти.

религиозное исповедание с декларацией национальной принадлежности. Церковь — носительница представлений и образов дореволюционной России, основной объект революционных репрессий, а также единственная организация, охватывающая всю территорию бывшего Советского Союза.

Но каким бы значимым ни был вклад, который в формирование памяти о репрессиях претендует внести Церковь, и она подпадает под общую тенденцию «приватизации» этой памяти. На сегодняшний день эти вопросы интересуют в первую очередь тех, кого воспоминания о репрессиях затрагивают напрямую. Долг помнить формируется близостью — физической или символической, реальной или воображаемой — с жертвами.

Настоящая статья является результатом исследования, проведенного весной 2008 года на Соловецком архипелаге, Бутовском полигоне и на разных этапах крестного хода вдоль каналов. Растянувшись более чем на тысячу километров, крестный ход Соловки — Бутово стал единственным масштабным, выходящим за локальные рамки мемориальным мероприятием, которым был отмечен 2007 год.

В ходе исследования я посетила в том числе Рыбинск (столицу Волголага¹⁰), Дмитров (столица Дмитлага¹¹) и Ярославль. Роль этих городов в системе сталинских лагерей малоизвестна широкой публике и не стала предметом исследований и дебатов наравне с Соловками или Бутово, где работа с памятью началась раньше и уже стала более структурированной. Меня прежде всего интересовала связь, установленная крестным ходом между местами, через которые он прошел.

Соловецкий монастырь и по сей день остается неоспоримым символом ГУЛАГа, а Бутовский полигон постепенно приобретает значение второй «Русской Голгофы»; монастырь (благодаря своей уникальности и мифам, которыми он оброс) и полигон (благодаря своей близости к Центру) часто фигурируют в СМИ и общественных дебатах. Память же о Волголаге и Дмитлаге явно затмевается монументальностью Рыбинского водохранилища и канала имени Москвы. Именно это упущение и следовало исправить по замыслу организаторов процессии, прошедшей летом 2007 года. Бутовцы¹² желали восстановить равновесие и отметить вехами путь сталинских репрессий, связав одной линией места скорбных событий, представить более полную картину тоталитарного ужаса.

10 Лагерь, основанный в 1935 году под Рыбинском для строительства плотины и гидроузла, запущенного в работу в 1941 году в рамках проекта «Большая Волга». С 1935 по 1942 год через исправительные работы в этом лагере прошло 87 000 заключенных (Смирнов 1998).

11 Крупнейшее лагерьное объединение ГУЛАГа, просуществовавшее с 1932 по 1938 год для строительства канала Москва — Волга. В годы самого интенсивного периода строительства (1936–1937) в лагере трудились около 190 000 заключенных (Федоров 1997); см. даты и точные цифры в справочнике ГУЛАГа: Смирнов 1998.

12 Группа активистов мемориального движения Бутовского полигона, в число которых входят прихожане, священник и несколько исследователей.

Удалось ли им выполнить эту задачу? Или подобное нагромождение символики (несение креста, Голгофа), вообще характерное для сегодняшней России, придало событию некий фольклорный оттенок и свело его к религиозному перформансу, лишенному более широкого социального и политического значения? Иными словами, удалось ли участникам крестного хода создать подлинное «место памяти», актуальное для всей России, «всея Руси», или же их действие стало очередным актом приватизации памяти об эпохе коммунизма?

С целью прояснить эти вопросы я буду опираться на концепцию «мест памяти» французского историка Пьера Нора. Во вступлении к своему главному труду (Nora 1997), который и сам был задуман как мемориал, он пишет:

Место памяти — это то, что выделяется, порождается, устанавливается, выстраивается, принимается и поддерживается волей общества, глубоко вовлеченного в процесс трансформации и обновления. (Ibid: 28)

Такое определение можно считать почти готовым методологическим предписанием:

Места памяти одновременно принадлежат двум мирам, и именно в этом заключается их ценность и их сложность. Они просты и неоднозначны, естественны и искусственны, подвластны самому непосредственному чувственному опыту и одновременно являются плодом максимально абстрактной разработки (Ibid: 37).

Нора подчеркивает, что проекция памяти на определенное место вызвана страхом потерять связь, родство с возведенным в миф прошлым, из которого мы произрастаем и которое, по нашим представлениям, имеет священные корни. «Наше восприятие прошлого — это яростное возвращение себе того, что нам более не принадлежит» (Ibid: 35). Однако процесс, который лежит в основе попыток фиксировать память о репрессиях, несколько иной. Специфический опыт тоталитаризма представляется разрывом в ткани памяти. В данном случае вернее будет говорить о «возвращении себе того, что нам никогда не принадлежало». Речь идет не столько о восстановлении, сколько об установлении отношения принадлежности.

Таким образом, память о советских репрессиях возникает не изнутри и не вблизи, а снаружи и на расстоянии, и ее необходимо не столько хранить и оберегать, сколько провоцировать, организовывать и собственно формировать. Оторванное от традиции, не связанное с каким бы то ни было историческим объектом, место памяти вписывается в сферу общей памяти советского прошлого России исключительно как возможность, как — в буквальном смысле слова — творение. Мемориальный субъект, в данном случае общество, становится субъектом тогда, когда волевым актом создания места памяти демонстрирует свое желание иметь память. Конечной целью подобного отношения представляются не столько сами воспоминания, сколько процесс вспоминания, или, иначе говоря, целью является не столько содержание, сколько само намерение.

ПРОЦЕССИЯ СОЛОВКИ — БУТОВО: ЗАМЫСЕЛ И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ

Изначально намерение отметить землю Бутово священным символом, привезенным с Соловецких островов, представлялось не более чем обычной поминальной акцией, призванной почтить память жертв сталинизма характерно православным способом. Во время своего пребывания на Соловках в 2005 году Игорь Гарькавый, историк, преподаватель Российского православного университета св. Иоанна Богослова и прихожанин бутовского храма, а ныне директор Мемориального научно-просветительского центра «Бутово», предложил воздвигнуть в Бутово гигантский крест. Основной трудностью организаторам представлялась транспортировка креста, поскольку перевезти наземным путем огромный (высотой более десяти метров) крест казалось невозможно. Поэтому был выбран водный путь — по каналам, ведущим к Москве из Белого моря, и уже на этом этапе из обычного транспортного пути он превратился в крестный ход.

Таким образом, окончательная концепция созрела только в ходе разработки проекта, который постепенно оброс символикой благодаря сопоставлению возможных смыслов. За финансированием прихожане Бутово обратились к православно-патриотической организации «Андреевский флаг», которая помимо прочего занимается издательской деятельностью и организацией мероприятий, связанных с православной тематикой. Организация также финансирует из своего бюджета паломничество в святые места. В тот момент «Андреевский флаг» проводил масштабный проект «Под звездой Богородицы», направленный на воссоединение русского православного народа. Восемь процессий, отправившихся из самых разных точек России (Владивосток, Ростов-на-Дону, Барнаул, Якутск, Архангельск, Санкт-Петербург), а также с Афона и из Иерусалима должны были соединиться в Москве¹³. Поскольку средства были выделены именно под этот проект, процессия Соловки — Бутово была де-факто признана его частью, лишившись тем самым своей уникальности¹⁴.

Позже пришла идея сопроводить процессию передвижной выставкой. Бутовцы, как и соловчане¹⁵, увидели в ней возможность рассказать историю Соловков и Бутово, историю строительства каналов и погибших на непосильных работах мучеников. Таким образом, выставка должна была иметь образовательное значение, тем самым вписывая крестный ход Соловки — Бутово в процесс размышления над

13 Об этой организации существует очень мало информации, а сайт www.anflag.ru, который я неоднократно посещала во время моего исследования, в момент написания статьи недоступен. Однако мне удалось собрать информацию благодаря Вадиму Ребизову, бывшему координатору и организатору фонда, ставшему впоследствии прихожанином Бутово.

14 Это также повлияло на внешнюю оценку, данную процессии, хотя и не изменило ее принципов и значения для самих участников. Однако для стороннего наблюдателя ошибка была вполне допустимой: информация о крестном ходе в интернет-сообщениях связывалась с проектом «под звездой Богородицы», а «Андреевский флаг» выступал в качестве организатора и спонсора.

15 Имеются в виду жители Соловков, активисты памяти, историки, монахи и прихожане, участвовавшие в самой процессии или ее организации с соловецкой стороны.

историей. Антонина Сошина¹⁶ и Лидия Головкова¹⁷, которым было поручено создать экспозицию, выбрали центром проекта фигуру жертвы, напоминающую о заключенных, которые прошли тот же путь с крестом (в смысле евангельского мучения): заключение на Соловках, каторга на стройке канала, расстрел в Бутово. Им удалось найти в архивах сотни имен представителей духовенства, заключенных СЛОНа, прошедших сквозь ад на стройках гидроузлов, зеков Белбалтлага¹⁸ и Дмитлага, расстрелянных в Бутово.

На выставочных панно были представлены истории нескольких заключенных, в основном знаменитых, иллюстрированные тюремными снимками, иконографическими изображениями, фотографиями мест, копиями архивных документов. В основе этого подхода также была фигура мученика, умершего за веру. На каждом этапе крестного хода Лидия Головкова и Игорь Гарькавый по очереди организовывали экскурсии для местного населения, которое оказывало им прием. «Мы хотели, чтобы смысл процессии был очевиден всем: почтение памяти всех невинных жертв в скорбную годовщину 1937 года, призыв к воспоминанию».

Поскольку передвижение по каналам запрещено, организаторам процессии пришлось просить официального разрешения, которое было получено благодаря активному ходатайству одного из прихожан Бутовского прихода Олега Скорлукова, бывшего бизнесмена и депутата Госдумы, недавно принявшего крещение, который привлек к делу свои связи и средства¹⁹. Итак, формальные проблемы были решены, оставалось разобраться со смыслом.

ХОЖДЕНИЕ КРЕСТА: КАК ВПИСАТЬ СОВРЕМЕННОЕ ПОМИНОВЕНИЕ В ТРАДИЦИЮ?

25 июля 2007 года монументальный крест, уложенный в обитый красным бархатом плавающий футляр, покинул Соловецкие острова и отправился в Беломорск, где к барже присоединился пассажирский корабль, на котором находились несколько прихожан Бутово. Так начался двухнедельный путь по выкопанным зеками каналам, проходящим через великие северные озера и связывающим Белое море со столицей России. Остановки решено было сделать в следующих

16 Антонина Сошина — главный историк Соловецкого монастыря. Уже более тридцати лет она занимается изучением региональных и федеральных архивов. В настоящий момент она сфокусировала свое внимание на «православных заключенных, погибших в СЛОНе», то есть арестованных за веру и службу Церкви. Фактически она работает над созданием списка соловецких мучеников. Мирской же частью жертв занимаются научные сотрудники государственного музея. Таким образом, память о СЛОНе по-прежнему «раздваивается» из-за конфликтных отношений между музеем и монастырем.

17 Лидия Головкова — художник по образованию, специалист по репрессиям 1937–1938 годов на Бутовском полигоне. Лидия Головкова поставила перед собой задачу собрать информацию о каждом из 20 761 погибшем. Она также руководит публикацией «книги памяти» — книжного мемориала жертв тоталитаризма.

18 Лагерь, созданный для строительства канала, связывающего Белое и Балтийское моря.

19 Телефонная беседа, апрель 2008 года.

городах: Медвежьегорск²⁰, Вытегра, Горицы, Череповец, Рыбинск, Углич, Дубна и Дмитров.

Согласно православной традиции крест знаменует крещение и таким образом имеет силу освящать и саму землю, освященную памятью. На Соловках сложные отношения между репрессивным прошлым и поминальным настоящим отражаются в многочисленных обрядах установки монументальных крестов. В 1992 году Патриарх Московский и всея Руси Алексей II лично благословил воздвижение одного из крестов в память жертв СЛОНа. Говорилось о возрождении северной традиции поклонных (для поклонения и молитвы) и памятных (связанных с поминовением, благодарностью или искуплением) крестов, число которых на архипелаге до Октябрьской революции достигало трех тысяч (Кожокар 2003). Этим вот уже двадцать лет занимается Георгий Кожокар, мастер резьбы по дереву. Раньше кресты устанавливали монахи или паломники, чтобы таким образом обозначить место видения, чуда или какого-либо другого важного события или чтобы отметить новое молитвенное место. Кресты, изготавливаемые Кожокарем, обладают новым значением: они являются одновременно надгробными знаками и топографическими метками братских могил, которых на территории Соловецких островов несметное количество. Однако и обилие этих крестов, и новый установленный Патриархатом день Собора новомучеников и исповедников Соловецких (23/10 августа) заставляют задуматься над тем, кого же все-таки поминают соловецкие монахи: всех погибших или только «своих»? Сам Георгий Кожокар не связывает свою деятельность с памятью о репрессиях. По его словам,

не стоит искать в этом какой-то религиозный или идеологический смысл. На православной, тем более на святой земле усопших нужно почитать по-православному. Я всего лишь продолжаю традицию, которая существует здесь испокон веков, пытаюсь адаптировать ее к нуждам нового века. Кресты — это просто здешний язык (Там же).

Итак, дань прошлому отдается через возрождение и обновление традиции, а разрыв таким образом будто отменяется.

Установление связи между архипелагом и полигоном имеет большое символическое значение, так как оба места «соревнуются» как в святости, так и в ужасе, который они воплощают. К тому же для некоторых заключенных они стали началом и концом мученического пути. Таким образом, идея связать их воедино может показаться естественной. Однако Гарькавый, подходя к Бутово с исторической точки зрения, связывает эти места традицией, которую следует заново обрести: «Это также акт духовного поминовения, ведь память креста Христова накладывается на наши человеческие судьбы. Крестная традиция — акт памяти в самом буквальном смысле»²¹.

20 В нескольких километрах от города находится братская могила, в которой был обнаружен «потерянный этап» соловецкого конвоя (1111 заключенных, расстрелянных в 1937 году).

21 Из беседы, апрель 2008.

Однако надо заметить, что если в случае Соловков речь идет о восстановлении древнего памятника, который революция пыталась уничтожить, то история Бутово несколько другая. Появление церквей — сначала деревянной часовни, затем каменного собора — ознаменовало возникновение нового православного места, духовного центра и одновременно места паломничества. В результате там создается иная — религиозная — память, превосходящая память одних мучеников.

Игорь Гарькавый пытается привязать историю полигона к основной теме своих исследований — традиции массовых погребений в Древней Руси. Однако приравнивание постсоветской России к средневековой Руси означает упрощение взгляда на тоталитарное прошлое. Можно ли считать явлениями одного порядка горы трупов сталинской эпохи и братские могилы, которые выкапывали на поле битвы для павших воинов или на окраине города для бедняков и бродяг? Можно ли таким образом вписать чистки и террор в национальную историческую память, не лишая его при этом собственной специфики?

Показательно, что на посвященной данному вопросу конференции, которая прошла в 2006 году в Москве²², речь шла не о спорной легитимности такого подхода, а скорее о технической трудности его реализации. Древние практики захоронения проистекали из традиций, которые не подлежали концептуализации и не требовали объяснения. «На сегодняшний день процессы мемориализации недостаточно связаны с религиозно-этническими традициями поминания жертв», — с сожалением отмечает Игорь Гарькавый. Бутово — наглядный тому пример. В истории массовых захоронений сталинские бойни не имеют ничего общего с братскими могилами прошлого, и не только в силу уникального характера чисток. Среди жертв были представители шестидесяти разных национальностей, самых разных социальных слоев и вероисповеданий. Но поскольку среди них преобладали русские и православные, а также ввиду того, что Православная Церковь в России официально признана главенствующей, место памяти вполне «естественно» приобрело религиозную окраску. Отсюда и идея связать Бутово с традицией храмов «на крови».

Работая над организацией процессии, Гарькавый параллельно пытался найти связь с древними обрядами. Он упоминает, в частности, о процессиях паломников, которые шли через всю Россию, неся священные реликвии, чудотворные иконы или мощи святых. Гарькавый рассказывает, например, об истории мощей святого Филиппа²³, митрополита московского, погибшего в муках за то, что посмел противостоять Ивану Грозному. В 1652 году митрополит Никон увез с Соловков часть мощей преподобного Филиппа. Мощи перевозились водными путями,

22 См. программу проведенной в Москве конференции «Этноконфессиональные традиции и практика мемориализации мест массовых захоронений жертв социальных катастроф». www.martyr.ru/content/view/53/20. Просмотрено 10.10.2009.

23 Перед тем как быть призванным Иваном Грозным возглавить Патриархат Московский и всея Руси, Филипп был игуменом Соловецкого монастыря, который он активно развивал и модернизировал. Сегодня святитель Филипп считается одним из четырех святых основателей монастыря вместе с преподобными Зосимой, Савватием и Германом.

существовавшими в ту эпоху, и в каждом пункте остановки Никон служил поминальные молебны²⁴. Ссылка на эту страницу русской истории неслучайна и точно передает позицию активистов Бутовского мемориала: следуя примерам прошлого, необходимо покаяться, ибо только покаяние способно обеспечить покой в будущем.

ОТНОШЕНИЕ ОБЩЕСТВА К РЕЛИГИОЗНОМУ МЕРОПРИЯТИЮ: МЕЖДУ ПИЕТЕТОМ И БЕЗРАЗЛИЧИЕМ

В то время как москвичи привлекли Соловецкий монастырь к участию в процессии, Соловецкий музей-заповедник, по словам монахов, не желал участвовать в этом «слишком религиозном» мероприятии. Директор музея только в самый последний момент дал разрешение на размещение передвижной выставки у входа храма Преображения. С московской же стороны ни одна общественная организация не пожелала участвовать в проекте, и даже «Мемориал» занял позицию простого обозревателя. Итак, летом 2007 года единственным участником поминовения жертв сталинского террора становится Церковь. Других желающих присоединиться к ней в тот период не оказалось.

Подтверждая тесные связи между центром религиозной власти и прославленной периферией, какой являются Соловки, а также для демонстрации интереса Московской Патриархии к готовящемуся событию, из Москвы специально был послан викарий с целью благословить Крест перед началом его пути: «Иначе мы везли бы всего лишь кусок дерева, а не святыню, к которой обращаем свои молитвы». В течение двухнедельного путешествия на всех остановках отец Кирилл Каледа, настоятель храма Святых Новомучеников и Исповедников Российских в Бутово²⁵, при участии местных священников и их паствы служил панихиды и всенощные. Московская Патриархия разослала письма по всем приходам, наказав встречать паломников должным образом. Сотни людей ожидали процессию на

24 Георгий Федотов настаивает на том, что, отправляясь в путь, будущий патриарх, помимо своего личного преклонения перед преподобным Филиппом и желания оказать ему должную честь, имел гораздо более широкие планы национального значения. Умолив соловецкую братию передать мощи преподобного Филиппа Москве, Никон осуществил акт национального покаяния, реабилитируя тем самым игумена Соловецкого монастыря и признавая его митрополитом всея Руси. «Возвращая святых под покров Богородицы, в предназначенное им место, Москва и прежде всего царь каялись за грехи своих предков, исполняя акт примирения с землей павших героев» (Федотов 1927)

25 Из рода священников, в котором сан переходил от отца к сыну. Отец Кирилла Каледы, Глеб Каледа, — легендарная фигура русского православия. Он был одним из активистов «Катакомбной церкви» в 1970-х годах, одним из первых священников, работавших в тюрьмах и армии, затем ректором курсов, легших в основу нынешнего Свято-Тихоновского богословского института, самого крупного частного богословского учебного заведения, открытого после перестройки. Глеб Каледа также был зятем Владимира Амбарцумова, расстрелянного в Бутово в 1937 году. Так что сегодня род, духовно связанный со страшным прошлым Бутово, ревностно поддерживает память о погибших, сгинувших на Бутовском полигоне. Для отца Кирилла история Бутово тесно связана с семейной.

каждом перевале, прикладывались к кресту и подолгу преклоняли колени перед ним. Отец Кирилл рассказывает:

Иногда людей притягивал сам Крест, из-за его впечатляющих размеров, но все-таки большинство людей пришли поклониться памяти жертв. В основном это были пожилые люди, бывшие репрессированные или их родственники, и каждый желал донести до нас свою историю. В самых дальних уголках, особенно на Беломорканале, наша процессия была первым актом поминовения с момента окончания репрессий²⁶.

Процессия, организованная церковными властями, была встречена тепло. «Память о погибших теперь в надежных руках, Церковь молится за их спасение», — цитирует Лидия Головкова слова одной пожилой женщины. «Что с того, что Церковь взялась за это слишком рьяно? То, что она делает, бесценно. Церковь лучше, чем кто бы то ни было, умеет оплакивать покойных и хранить их память», — утверждает Валентина Андреевна из Ярославля. Нерелигиозная организация²⁷, к которой она принадлежит, призвала своих членов встречать процессию в Рыбинске. Бутово — место, хорошо известное активистам памяти, многие уже не раз совершали мемориальные паломничества на Бутовский полигон. Сегодня российское общество относится к Церкви с гораздо меньшим недоверием, чем к государству, и, поскольку последнее медлит с официальным признанием жертв сталинизма, многие предпочитают поручить поминовение этих жертв Церкви.

Однако информация о процессии, в основном распространявшаяся через приходы, не получила широкой огласки. Никаких анонсов в прессе не прозвучало, и самыми осведомленными источниками оказались приходы и общественные организации. Таким образом, на всем своем протяжении процессии так и не удалось выйти за рамки практически «частного» события, и большинство людей узнавали о ней, только когда она проходила через их город. Недостаточная освещенность в прессе вполне естественно повлекла за собой слабый общественный интерес. Вот, например, свидетельство отца Андрея из Рождественской церкви в Череповце, которого настоятель направил на встречу с бутовцами: «Со мной пошли несколько прихожан, одни из любопытства, другие из послушания»²⁸.

Однако по пути с севера на юг волна постепенно набрала силу, и в конце концов процессия обрела определенную убедительность. В Москве прибытия креста многие ждали с нетерпением, и, когда он проплывал по Москве-реке под окнами Белого дома, на шествие собрались посмотреть толпы народа. В течение нескольких последующих дней кадры о процессии постоянно мелькали на телевизионных каналах. Час Бутово пробил: оно наконец стало предметом публичного освещения. Перед прибытием в пункт назначения Крест погрузили на специаль-

26 Цитаты, источник которых не указан, взяты из интервью, проведенных автором в марте и апреле 2008 года. Список проинтервьюированных см. в конце статьи.

27 Я смогла встретиться с членами ярославской Ассоциации жертв политических репрессий, большинство из которых — «дети врагов народа» в ожидании реабилитации.

28 Из личной беседы, состоявшейся в апреле 2008 года.

ную платформу и в сопровождении внушительной автоколонны провезли по всей МКАД — в знак защиты и освящения столицы²⁹.

ПРИЗНАНИЕ «МЕСТА ПАМЯТИ»?

Крест был воздвигнут рядом с храмом Вознесения на Бутовском полигоне 7 августа 2007 года. Для того чтобы закрепить его в земле, были специально привезены камни, добытые на развалинах Зачатьевского монастыря в Москве, и камень с Соловков, что сообщает акту воздвижения креста дополнительный смысл: крест во славу русских мучеников зиждется на развалинах святых мест. А на следующий день, 8 августа, в 70 годовщину начала расстрелов на Бутовском полигоне, владыка Арсений, викарий Алексия II и архиепископ Истринский, отслужил литургию, на которой присутствовали две тысячи человек, пришедшие поклониться новому мемориалу.

Однако настоящее признание нового места памяти произошло два месяца спустя, когда, к всеобщему удивлению, Бутово посетил в сопровождении губернатора Московской области Бориса Громова и уполномоченного по правам человека Владимира Лукина президент Российской Федерации Владимир Путин. Представители власти присутствовали на молебне, который отслужил в Бутово Патриарх Московский и всея Руси Алексий II. Впервые патриарх посетил Бутово в светский поминальный день (по традиции, он там служит в четвертую субботу после Пасхи, в день, посвященный памяти Бутовских новомучеников). В 2007 году глава государства также впервые торжественно и официально почтил своим присутствием память репрессированных. По НТВ прозвучало:

Сегодня Владимир Путин совершил символически значительный акт. Впервые с начала своего президентского правления он посетил московский полигон в Бутово, продемонстрировав таким образом, что День памяти жертв политических репрессий имеет государственное значение³⁰.

Мнения общественности на этот счет разделились. Конечно, для бутовцев это была в первую очередь победа, знак высшего признания, который означал продвижение их мемориала из «местного» ранга в «государственный». Участники процессии ждали реакции президента с того момента, когда крест проплыл под окнами Белого дома. Отец Кирилл рассказывает: «Нам казалось, что Владимир Путин не останется глухим к событию подобного масштаба прямо под своими окнами, и я думаю, что его визит 30 октября был первым результатом нашего проекта». В приезде Путина также видят знак того, что осознание долга памяти наконец коснулось всего общества:

Очень важно, что в этот день в Бутово собрались все три инстанции: государство, Церковь и комиссия по правам человека. Это единственная воз-

29 По православной традиции молитвенный обход монастырей, городов, храмов должен служить укреплению их стен.

30 НТВ. «Сегодня». 30.10.2007. <http://news.ntv.ru/119727/photo/>

можность изменить менталитет в этой стране. Нужно, чтобы президент показал пример, которому затем последуют в регионах³¹.

Очевидцы сходятся в том, что во время своего визита на Бутовский полигон Путин был глубоко тронут и «напряжен». Отец Кирилл, который находился рядом с Путиным на всем протяжении церемонии, подтверждает: «Он казался смущенным, таким его никогда не видели, но он пришел сюда не как глава государства, а как человек, он увидел, понял, и он молился. Что будет дальше, никто не знает, но это уже сейчас превосходит все наши надежды».

Однако намерения и цели президента все же подверглись сомнению. Процитируем представителей «Мемориала»: «С его стороны было бы просто неприлично проигнорировать семидесятилетнюю годовщину 1937-го года. Это был минимальный политический акт». Однако Владимир Путин предпочел явиться на место православного мученичества вместо того, чтобы пересечь Лубянскую площадь и присоединиться к демонстрации, посвященной жертвам политических репрессий, ежегодно организуемой около Соловецкого камня, где в тот день зачитывали бесконечные списки расстрелянных в 1937–1938 годах. Александр Даниэль (общество «Мемориал») призывает, тем не менее, «не приуменьшать значения важного символического жеста президента», несмотря на «педагогический ревизионизм учебников Филиппова³²» и исключение пометки «за нанесенный моральный ущерб» из закона о реабилитации бывших репрессированных (Даниэль 2007).

С одной стороны, власть делает обнадеживающие заявления (во время своего выступления Путин, в частности, заявил, что имена всех жертв должны быть названы вслух и что такие трагедии происходят в истории «всякий раз, когда соблазнительные на первый взгляд и недостижимые на практике идеалы оказываются поставленными выше ценности человеческой жизни» (Даниэль 2007)). С другой стороны, ее реальные действия не говорят с подлинным признанием государственных преступлений. В частности, не видно конкретных шагов по компенсации нанесенного ущерба пострадавшим и образованию будущих поколений в духе исторической правды и общественной совести.

Воссоединение государства и Церкви под Соловецким крестом на полигоне Бутово могло бы стать тем самым долгожданным моментом, когда народная память (память общества в целом и, в частности, жертв репрессий и их семей) сливается с памятью официальной (официальное признание главами обоих институтов — государства и Церкви).

Но государство остается в тени. Именно ему должна была бы принадлежать идея мемориала. Именно оно должно было бы заняться организацией, а затем позвать нас, потомков погибших, занять должные места в этом действии, и передать нам факел пламени, который оно бы зажгло (отец Кирилл).

31 Из беседы с Вадимом Ребизовым («Андреевский флаг»), проведенной 27 марта 2008 года.

32 Речь идет об официально одобренных учебниках истории России, в которых репрессивный характер сталинского режима значительно приуменьшен и практически проигнорирован, а чистки оправдываются необходимостью оздоровления государственного аппарата и формирования нового поколения «советских руководителей» (Александр Даниэль).

Однако, несмотря на приезд Владимира Путина в Бутово 30 октября, на сегодняшний день по-прежнему не существует ни одного закона, который бы регулировал государственную политику в отношении памяти о ГУЛАГе³³. Впрочем, появление монументального креста на Бутовском полигоне значительно увеличило его посещаемость. Однако поток посетителей состоит в основном из паломников памяти и святош, причем последние, кажется, преобладают. «Осознание должно идти не только от официальных властей, но и от самих людей, должно идти из глубины народного сердца, а до этого нам еще далеко», — сетует отец Кирилл.

Тем не менее, несмотря на выраженные намерения бутовцев отдать дань памяти всем жертвам террора, Бутово все более утверждается как мемориал не общедуховный, но сугубо православный.

ЛИТУРГИЧЕСКОЕ ПОМИНОВЕНИЕ: ВЫБОРОЧНАЯ ПАМЯТЬ?

Массовая канонизация мучеников в последние несколько лет сопровождалась постепенной и негласной передачей функций хранения памяти государством Православной Церкви. В соответствии с этим произошла партикуляризация памяти репрессий, при которой из миллионной массы жертв были выделены те, кто погиб за веру. Российские новомученики и исповедники не только фигурируют теперь в службах, храмах и деятельности религиозных общин, но и занимают центральное место в репрезентациях ГУЛАГа. В смешанных мемориалах памяти жертв они представлены наиболее широко, и религиозное поминовение вытесняет любые другие.

Гражданские ассоциации подняли тревогу в связи с тем, что им кажется опасным установление церковного контроля над национальной историей. В итоге активисты памяти разбились на две категории: светскую и религиозную. Первые видят в ГУЛАГе политический факт и добиваются правового признания репрессий, которое по возможности должно сопровождаться материальной компенсацией. Вторые же видят в ГУЛАГе факт метафизический и добиваются символического признания мученичества, которое должно сопровождаться возведением крестов и храмов. Первые, бывшие репрессированные и диссиденты, объединяются в негосударственные ассоциации и борются с государством с тем, чтобы память получила статус неотъемлемого права каждого человека и долга каждого гражданина. Вторые, исповедующие православную веру и недавно принявшие крещение, собираются в возрожденных приходах, ранее преследовавшихся властями, стремятся опереться на государство и используют память как связующий раствор для формирования новой идентичности.

Несмотря на пассивность общественного мнения в отношении роли Православной Церкви в реконструкции и поддержании видимой памяти тоталитаризма, на местах продолжаются горячие споры с конкурирующими структурами — государственными учреждениями и неконфессиональными организациями. В местах памяти, находящихся под смешанным покровительством, возникают конфликты.

33 После принятия в 1991 году Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» (№ 1761-1) правовое регулирование памяти о жертвах советского режима не получило дальнейшего развития.

Зачастую Церковь обладает лучшей организационной структурой, позволяющей ей брать на себя мемориальные функции, будь то отведенные ей места (Бутово), спорные территории (Соловки) или географические точки, история которых фактически не связана с православием (Дмитров).

На Соловках за мемориальные проекты соревнуются две основные организации — музей и монастырь. Наряду с официальными поминальными — и светскими — церемониями братия со своей стороны служит многочисленные службы в память о зеках, погибших «за Христа и во Христе», причем об одних только православных заключенных. Очевидно, монахи отказываются от претензии на прошлое в целом, глобального взгляда на страдания и поминовения всех погибших. Сами они мотивируют это «уважением личного исповедания веры», что не мешает им претендовать на исключительную роль. По их словам, пока музей классифицирует и архивирует частную память, ограничивая место страшной тоталитарной истории границами архипелага, они, монахи, реставрируют тот же пространственно-временной срез в Божьей памяти, соединяют его с началом и концом творения и вписывают его тем самым в континуум святых отцов Церкви, бывших и будущих. В ответ на упреки в неполном и избирательном характере монашеских молитв отец Герасим возражает:

Конечно, мы молимся за всех, кто страдал на этой земле, будь они из духовенства или из мирян, и за православных, и за всех прочих. Однако эта земля прежде всего — православная святыня, и большинство погибших на ней были православными. Поэтому вполне естественно, что мы пытаемся установить поминовение в основном литургическое.

Эти речи перекликаются со словами активистов памяти из Бутово. Игорь Гарькавый настаивает, что «не стоит забывать ни о том, что представители русского духовенства преобладали среди жертв репрессий, ни о том, что большинство русских все-таки исповедуют православную веру, а большинство погибших здесь были русскими». «Именно в Бутово полегло самое большое число мучеников за веру, около 940, я думаю, и 300 из них уже канонизированы. Это больше, чем на Соловках. И больше, чем в любой другой освященной Русской Православной Церковью земле». Поскольку количество православных мучеников оказалось здесь преобладающим, ему представляется вполне естественным, что основной организацией, заведующей памятными делами в Бутово, станет именно Церковь. Земля смешалась с теми, кто в ней лежит. Спор в данном случае идет именно о территориальном владении. Мемориальная деятельность Церкви осуществляется через пространственную организацию, и в пространстве, которое она структурирует в соответствии со своими нуждами, не всегда остается место для других мемориальных инициатив. Этим объясняются и опасения «светских» активистов на Соловках, и невозможность для представителей любой другой веры, кроме православной, возвести религиозный памятник на территории Бутово³⁴.

34 «Так или иначе, пространственная поминальная традиция есть в одном лишь Православии. Евреи и мусульмане не воздвигают мемориалов в память о погибших. И кроме того, мы предлагаем им помянуть своих усопших в наших храмах, будь то с нами или без нас, если они того желают», — говорят в Бутово (интервью с отцом Каледой).

Однако бутовские активисты пытаются выйти за рамки чисто религиозных проектов. Так, в 2002 году был открыт Мемориальный научно-просветительский центр «Бутово». Целью этой автономной некоммерческой организации, которой заведует отец Кирилл и руководит Игорь Гарькавый, является сбор информации о чистках 1937–1938 годов. На самом деле пока организация существует в виде одного названия и является, за нехваткой времени и средств, больше проектом, чем реальным институтом. Тем не менее ее создатели хотели бы, чтобы со временем она стала единственной бутовской организацией подобного назначения. Следовательно, вся мемориальная деятельность будет осуществляться с подачи Церкви и в ее интересах.

А пока отец Кирилл каждое утро служит общую панихиду «о 205 (или 281, или 111) убиенных на месте сем»³⁵. В бутовском месяцеслове-синодике (Русская Голгофа 2005) перечислены все жертвы. Канонизированных мучеников поминают поименно ежедневно, а вместе с ними тех, кто погиб в тот же день. «Таким образом, каждый погибший, вне зависимости от причины расстрела (в любом случае противозаконного), находится под покровительством святого новомученика, которого мы призываем в молитвах для упокоя душ расстрелянных в один день с ним», — объясняет священник.

Коллективизация памяти при помощи приема, который объединяет жертв, не стирая при этом различий между ними, способствует росту значения Бутовского мемориала. Круг посетителей непрерывно пополняется за счет новых прихожан, живущих поблизости от храма. Когда же приезжает патриарх, собираются тысячи верующих, а сам храм постепенно превращается в место паломничества традиционного характера. Все это делает положение полигона неоднозначным: люди приходят сюда не только для того, чтобы почтить память расстрелянных жертв репрессий. Тем не менее Бутово призвано стать мемориальным центром, даже если и «помянуть усопших — это еще не все. Да, мы установили монументальный крест и постоянно служим панихиды, но не следует погребать себя в воспоминании, оторванном от самой жизни. Бутово не должно становиться мавзолеем, оно должно жить», — настаивает отец Кирилл.

Однако, как отмечает социолог Кати Русселе, именно это и беспокоит родственников жертв, которые «сожалеют о недостаточном уважении, оказываемом православными христианами месту, о мемориальном назначении которого они нередко забывают», превращая его «в обычный приход» (Rousselet 2008).

СОПРОТИВЛЕНИЕ СВЕТСКИХ АКТИВИСТОВ И МЕМОРИАЛЬНЫЕ РАЗНОГЛАСИЯ

Многие светские активисты считают исключительно православное поминовение жертв ГУЛАГа недостаточным и даже обидным. Однако на деле пока что не возникло ни одного значительного течения, способного открыто и энергично противостоять действиям Церкви. В личных беседах звучат опасения, как бы духо-

35 См. расписание богослужений в храме Святых новомучеников: www.martyr.ru/content/view/28/40/. Просмотрено 10.10.2009.

венство вместе с коллективными местами памяти не присвоило себе и саму коллективную память. «Бутово — это Голгофа, там погибли многие мученики, но оно не должно стать исключительно православным местом паломничества», — утверждает Лидия Головова. При этом сама она работает в архивах Русской Православной Церкви и православном Свято-Тихоновском богословском институте и всегда подчеркивает священную ауру Бутово и богохульную природу действий, развернутых на Бутовском полигоне НКВД.

Подобный феномен наблюдается и на Соловках, где в музее и монастыре с памятью о жертвах репрессий работают отдельно. Экспозиция музея, посвященная заключенным СЛОНа, находится на территории монастыря. Именно на ней концентрируется существующий здесь антагонизм: всякий раз, когда отношения между двумя организациями накаляются, заново встает вопрос о том, что ей, возможно, придется искать другое пристанище.

В 2008 году по совету Министерства культуры Дума приняла решение отдать большинство построек и территорий Соловецкого архипелага в ведомство монастыря, то есть Московской Патриархии. С точки зрения Церкви и монахов, речь идет всего лишь о возвращении им законных земель и полномочий. Однако музейщики и большая часть светской интеллигенции (историки, социологи, филологи) видят в этом начало упадка Соловецкого архипелага как целостного природного и историко-культурного комплекса. «Монастырь в силу своего юридического статуса религиозной организации не уполномочен осуществлять на островах функции охраны и надзора», — утверждают они в открытом письме, адресованном Владимиру Путину³⁶. Но главным аргументом остается уникальность монастыря как исторического памятника: у Соловков не одно прошлое, их несколько. Монастырская история уходит корнями в язычество и одновременно тесно связана с периодом советского времени. Сотрудники музея убеждены, что монастырь не способен настоящему взять на себя хранение всех этих пластов истории, и передача Церкви большинства соловецких построек создает угрозу того, что музей с его коллекциями просто выставят за ворота³⁷.

МОНОПОЛИЗАЦИЯ ПАМЯТИ РЕПРЕССИЙ ЦЕРКОВЬЮ: РИСКИ

Тенденция к религиозному поминовению жертв репрессий пока сохраняется. Это впечатление еще более укрепляется в связи с растущей ролью Русской Православной Церкви в общественной жизни России. Так, 15 июля 2007 года, за несколько дней до крестного хода, во время проведения 70-летнего юбилея канала имени Москвы (Дмитлаг), совпавшего с 70-летней годовщиной Великого террора, официальная часть мероприятия началась со службы в расположенном недалеко от третьего шлюза Спасо-Влахернском монастыре. Служба проходила одновременно с открытием музея, посвященного эпохальной стройке гидроузлов. Затем

36 www.polit.ru/dossie/2008/07/11/solovki.html. Просмотрено 10.10.2009.

37 www.gazeta.ru/social/2007/10/20/2253409.shtml, www.newizv.ru/news/2007-09-18/76363/. Просмотрено 10.10.2009.

был заложен первый камень посвященной новомученикам часовни — ее планировалось возвести на берегу канала. На панихиде, которую служил Епископ Серпуховский Роман, присутствовали представители местной администрации, инженеры и жители края. «Многие отнеслись к празднованию юбилея с двойственными чувствами. С одной стороны, это великая победа, с другой — тысячи жертв», — прозвучало в прессе³⁸.

Русская Православная Церковь регулярно занимает самое почетное место во время официальных празднеств и отстаивает эксклюзивное право на поминовение жертв, в то время как светский дискурс, испытывающий более жесткие политические и институциональные ограничения³⁹, с подобной задачей не справляется. Церковь ввиду своего трансцендентального авторитета оказывается в силах играть роль хранительницы памяти жертв на институциональном уровне. Однако, даже призывая к покаянию, она не спешит называть имена палачей. Конечно, подобную осмотрительность можно объяснить нежеланием Русской Православной Церкви лишиться своего мощного покровителя в лице государства, без которого она не может обойтись в повседневных вопросах. Но помимо этих вполне законных сомнений следует упомянуть и поддерживаемую Церковью позицию всеобщего равенства перед лицом вечности, которую точно иллюстрируют слова Лидии Головковой:

Порой бывает трудно провести четкую границу между жертвами и палачами, многие из которых оказались в итоге в тех же рвах. Один Господь знает, что творилось в их душе, когда они умирали. Я думаю, что нам следует молиться без разбора за всех, кто лежит в Бутово и Коммунарке⁴⁰.

Однако не ведет ли это уравнивание жертв и палачей к безразличию перед лицом преступлений? Сегодня часовню Новомучеников Дмитлага видно издалека. Но она молчалива и безымянна — не указан ни год постройки, ни назначение, ни

38 www.dmitrovtv.ru/ru/news/165.html. Просмотрено 10.10.2009.

39 Экспозиция музея, посвященного истории строительства канала, представляет довольно неоднозначный взгляд на лагерное прошлое этой истории. Следуя традиции краеведческих музеев, стены экспозиции занимают иллюстрации и тексты, в витринах находится масса различных предметов, связанных с темой выставки; подход к теме повествовательный, а общее впечатление остается довольно размытым. В главном зале висят портреты героев канала — инженеров, директоров, почетных тружеников, стахановские лозунги, фотографии, бюсты, афиши и чертежи. Во втором зале, в пять раз меньше первого, находящемся как бы отдельно от основной экспозиции, выставлены документы, посвященные истории Дмитлага: тексты, планы барачных корпусов, посвященные лагерному строительству инженерные пособия, а также фотографии, на которых запечатлен непосильный и нечеловеческий труд зеков. Здесь же висят и списки расстрелянных. Татьяна Ивановна (с которой я встретилась в апреле 2008 года), инженер-техник, работающая на канале более 30 лет, рассказывает, что ей пришлось бороться за то, чтобы дирекция музея согласилась выделить пространство, посвященное истории ГУЛАГа, да и само расположение экспозиции явно свидетельствует о нежелании дирекции привлекать внимание к темным страницам истории канала.

40 Место недалеко от Бутово, где расстреливали членов партии; там захоронено около 6000 человек. Сегодня там основана небольшая монашеская обитель.

наименование, так что считать ее памятником жертвам ГУЛАГа сложно. Она возвышается на живописном берегу канала и по виду не отличается от других церквей.

* * *

Проложив путь от Соловков до Бутово, участники процессии не только установили пространственную связь между ними, но и предложили свою хронологию ГУЛАГа. Это явно прочитывается в концепции сопровождавшей процессию выставки. Посещенные места связаны между собой во времени и пространстве, а также и самим развитием лагерного феномена — от экспериментального лагеря до расстрельного полигона. Создатели проекта также желали подчеркнуть эту прямую связь, сделав акцент на историях людей, прошедших весь путь на Голгофу — от Соловков до смертного полигона в Бутово. Таким образом, процессия выявила систему, соединенную в пространстве, времени и организации.

Место памяти — это в буквальном смысле место для воспоминания, мемориал и «камера хранения», место, где мы вспоминаем и поминаем, где мы боремся с забвением, материализуя прошлое, которое мы беспрестанно будоражим и которое пытаемся снова вернуть на поверхность сознания. Именно таким местом представляется Бутовский полигон после крестного хода. Трудом тех, кто создавал этот памятник, после 70-й годовщины террора в Бутово материализовалась страшная хроника насилия тоталитарного режима. Невидимая и неизвестная бойня превратилась в кладбище о тысячах имен. Вершина мемориала — верхушка креста, пришедшего с земли, которая породила ГУЛАГ. Таким образом сводятся воедино «обе Голгофы».

Процессия прошла по каналам сталинскихстроек до самой Москвы и подняла со дна архивов имена тех, кто страдал на Соловках и погиб в Бутово, изменив положение полигона, который до этого был простой братской могилой местного значения, каких немало на окраинах любого крупного города России. События 2007 года заставили нас вспомнить о том, что в Бутово погибли люди десятков национальностей, разных социальных слоев и вероисповеданий. Все это возводит мемориал Бутово в ранг настоящего компендиума сталинских чисток.

Бутово, на котором теперь возвышается соловецкий крест, можно считать «местом памяти», потому что оно было «построено» с «убеждением, что не существует спонтанной памяти, что необходимо собирать архивы, отмечать годовщины, организовывать памятные мероприятия, произносить надгробные речи и составлять официальные акты, потому что все эти действия не происходят сами по себе». Перефразируя Пьера Нора, можно также добавить, что место памяти защищает то, что находится под угрозой — вот почему необходимо его сознательное «строительство» (Nora 1997: 49).

Но о каком месте и о какой памяти идет речь? Несмотря на то что Бутовский мемориал обладает всеми характеристиками и атрибутами места памяти репрессий, он является иллюстрацией глобальной неспособности сохранить эту память в нынешней России. Причина тому кроется в сегодняшнем контексте. Россия пока находится на промежуточном этапе соревнования разных видов памяти. В стране отсутствует стремление, как со стороны правительства, так и со стороны народа,

создать места общероссийской памяти. Ее потенциальные носители пока не способны разрешить указанные противоречия.

Еще одна причина подобной ситуации — конъюнктурная. Современное положение Бутовского полигона свидетельствует, с одной стороны, о его избыточном смысле для Церкви (какие выводы делать из значительной доли духовенства и верующих среди погибших на полигоне?) и недостаточной определенности для государства (что делать с преступлениями коммунистического режима?). Таким образом, не хватает основного элемента для фиксации этого места как «места памяти» — признания его таковым официальными властями. Однако на сегодняшний день у государства нет ни возможности, ни желания организовать официальное хранение памяти сталинских чисток ни в Бутово, ни в каком бы то ни было другом месте. Для этого нужно было бы глубоко переоценить собственное прошлое.

Что же касается Русской Православной Церкви, то, для того чтобы быть полноправной хранительницей народной памяти, ей следовало бы открыто и громко заявить о преследованиях, которым она подвергалась со стороны большевиков, и включить в свои памятные церемонии все жертвы тоталитарного режима, не претендуя на единоличную власть над землями, которые именно в силу разнообразия тех, кто в них покоится, принадлежат всем.

Авторизованный перевод с французского Ольги Ключниковой

БИБЛИОГРАФИЯ

- Даниэль, Александр. 2007. [Комментарий, опубликованный под статьей, посвященной президентскому визиту] // *Российская газета* 4506, 31.10.2007. www.rg.ru/2007/10/31/putin.html. Просмотрено 12.10.2009.
- Кожокар, Георгий. 2003. Кресторезная мастерская на Соловках. Интервью с Георгием Кожокарем. 2003 // *Соловецкое море, историко-литературный альманах*: 224–229.
- Митрохин, Николай. 2009. Русская православная церковь в России в 2000–2008 годах: очерк некоторых структурных проблем // *Неприкосновенный запас* 1(63). Электронная версия: <http://magazines.russ.ru/nz/2009/1/mi13.html>. Просмотрено 12.10.2009.
- Русская Голгофа. Бутово. Месяцеслов-синодник, Храм Святых Новомучеников и Исповедников Российских в Бутове*. 2005. М.
- Смирнов, М.Б. (сост.) 1998. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960: Справочник. М.: Звенья.
- Федоров, Николай. 1997. *Была ли тачка у министра?* Дмитров: Спас.
- Федотов, Г. П. 1927. *Святой Филипп, Митрополит Московский*. Париж. Электронная версия: www.krotov.info/library/21_f/fed/otov_22.html. Просмотрено 12.10.2009.
- Филиппов, Александр. 2007. *Новейшая история России, 1945–2006 гг. Книга для учителя*. М.: Просвещение.
- Adler, Nanci. 2005. The Future of the Soviet Past Remains Unpredictable: The Resurrection of Stalinist Symbols Amidst the Exhumation of Mass Graves // *Europe-Asia Studies* 57 (8):1093–1119.
- Cohen, Stanley. 2005. *States of Denial. Knowing About Atrocities and Suffering*, Cambridge: Polity Press.
- Nora, Pierre. 1997 (1987). Entre mémoire et histoire. Pp. 23–43 in *Les lieux de mémoire*. Paris: Gallimard.
- Rousselet, Kathy. 2000. L'église orthodoxe Russe entre patriotisme et individualisme // *Vingtième siècle* 66: 13–24.

Rousselet, Kathy. 2008. Les mémoires de la Grande Terreur: Butovo. Pp. 131–146 *L'Europe et ses représentations du passé. Les tourments de la mémoire* / Marie-Claude Maurel et Françoise Mayer (dir.). Paris : L'Harmattan.

ИНТЕРВЬЮ (МАРТ-АПРЕЛЬ 2008 ГОДА)

Алина (библиотекарь, «Мемориал»)

Наталья (историк-архивист, «Мемориал»)

Вадим Ребизов (организатор, PR-менеджер фонда «Андреевский флаг»)

Олег Скорлуков (деятель ЛДПР, бывший депутат Государственной Думы)

Лидия Головкова (научный сотрудник, Бутовский мемориал, Свято-Тихоновский богословский институт)

Игорь Гарькавый (историк, Бутовский мемориал, Православный институт Иоанна Хризостома)

Отец Кирилл Каледа (настоятель Бутовского прихода)

Анонимный прихожанин Бутово

Вероника Штейн (родственница погибшего на Бутовском полигоне, диссидентка)

Антонина Сошина (историк, Соловецкий монастырь)

Георгий Кожокар (кресторез, Соловки)

Отец Герасим (эконом Соловецкого монастыря)

Отец Андрей (священник в Череповце)

Татьяна Ивановна (инженер-техник, Московский канал, г. Дмитров)

Галина Жохова (заместитель директора Ассоциации по защите прав бывших репрессированных, г. Ярославль) и члены ассоциации

Иван Савицкий (учитель истории в техникуме г. Рыбинска).